

Рамазанова Гульназ Римовна

СЕМЕЙНЫЙ СТРОЙ ГОРОЖАН УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

В статье исследуются общие тенденции в развитии семейного строя городского населения Уфимской губернии во второй половине XIX - начале XX в. На основе архивного материала дается характеристика основных черт брачных и внутрисемейных отношений, анализируется жизненный цикл городской семьи, а также изменение статуса женщины в обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 162-166. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Кареев Н. И.** Прожитое и пережитое. Л.: Нева, 1990. 409 с.
2. **Ленин В. И.** Эсеровские меньшевики // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 13. С. 396-406.
3. **Наумова М. Д.** Либеральные ценности в контексте анализа английского либерализма XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 131-132.
4. **Пешехонов А. В.** Программные вопросы. Пг.: Задруга, 1917. 52 с.
5. **Пешехонов А. В.** Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1906. № 8.
6. **Политическая история России в партиях и лицах.** М.: РОССПЭН, 1994. 586 с.
7. **Программы политических партий России.** М.: РОССПЭН, 1995. 612 с.
8. **Протасова О. Л.** Либерализм и партия народных социалистов в начале XX века // Российский либерализм: теория, программатика, персоналии: сборник научных статей. Орел: ОрелГТУ, 2009. С. 211-221.
9. **Протасова О. Л.** Политическая и литературно-критическая публицистика А. В. Пешехонова в либерально-народнических изданиях (1907-1916 гг.) // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог: сборник научных статей. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2010. С. 251-260.

**LIBERAL AND SOCIALIST IDEAS IN SOCIAL-POLITICAL LIFE
OF RUSSIA OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY**

Ol'ga L'vovna Protasova, Ph. D. in History, Associate Professor
Marina Danilovna Naumova, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
*Department of Public Relations
Tambov State Technical University
kafedrapr@mail.ru*

The authors reveal the notion and essence of liberal ideology, draw the parallel with some ideas of socialism, pay particular attention to liberal and socialist elements combination in Russian political tradition - in national-socialist party program and activity, determine national-socialist party position among other political forces of Russia during the period of parliamentary system formation - at the beginning of the XXth century, and show the attitude of parties representatives with similar social-political views to liberal socialists.

Key words and phrases: liberalism; socialism; ideology; neo-populism; national-socialist party; personality; state.

УДК 94(47)

В статье исследуются общие тенденции в развитии семейного строя городского населения Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в. На основе архивного материала дается характеристика основных черт брачных и внутрисемейных отношений, анализируется жизненный цикл городской семьи, а также изменение статуса женщины в обществе.

Ключевые слова и фразы: Уфимская губерния; городская семья; семейный строй; семейно-брачные отношения.

Гульназ Римовна Рамазанова

Кафедра истории отечества и методики преподавания истории

Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. З. Бишшевой

gul8244@yandex.ru

**СЕМЕЙНЫЙ СТРОЙ ГОРОЖАН УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©**

В дореволюционной России семья являлась основной хранительницей частных и общественных отношений. Являясь важным социальным институтом общества, семья способствует процессу социализации поколений. В силу тех или иных исторических условий семейные отношения подвержены изменениям. В то же время, семья сама является выразителем происходящих в обществе перемен. Необходимо отметить, что городская семья является понятием сложным и многоаспектным, требующим особого исследования. Ее нельзя свести лишь к одному типу семейных отношений. Можно говорить о семье купеческой, рабочей и т.д. Поэтому в данной статье предполагается исследование лишь общих тенденций в развитии семейного строя горожан Уфимской губернии пореформенной эпохи.

Брачно-семейные отношения во второй половине XIX – начале XX в. регулировались законами, которые содержались в 10-м томе Свода законов Российской империи. Семейное законодательство отражало тесную

взаимосвязь семьи с государством и церковью. Так, статья 34 гласила, что «главным доказательством брачного союза признаются приходские (метрические) книги» [11, с. 15]. В рассматриваемый период, согласно законодательству, в брак могли вступать лишь по достижении определенного возраста: юноши – с 18 лет, девушки – с 16 лет [Там же, с. 18]. Подсчеты брачного возраста по городам Уфимской губернии на 1870-1880 гг. показывают, что наибольшее количество браков заключалось мужчинами в возрасте от 21 до 25 лет (40,5% и 41%) [16, д. 40, л. 3-14]. Женщины-горожанки выходили замуж в основном в возрасте моложе 20 лет (56,8%), а в возрасте 21-25 лет – в среднем лишь 28,4%. Браки в других возрастных группах составляют достаточно низкие проценты и для женщин, и для мужчин. Ранний возраст вступающих в брак девушек объясняется тем, что главным предназначением женщины в дореволюционной России считалось замужество и ведение домашнего хозяйства. О приниженном положении женщины в рассматриваемый период говорит тот факт, что в большинстве своем на выбор супруга оказывали влияние родители девушки или ее родственники. Руководствовались они при этом чаще всего чисто экономическими расчетами. В купеческом быту существовал такой обычай как «поживется, слюбится». Бывали случаи похищения невест. Так, у мензелинского 2-й гильдии купца Дубинина в день свадьбы была «насиленным образом похищена купеческим же сыном Александром Попковым 16-летняя дочь Евдокия» [12, д. 596, л. 4].

Анализ семейного состояния вступающих в брак горожан Уфимской губернии за 1870-1911 гг. позволяет говорить о том, что большинство супружеских пар состояли в браке впервые. Доля первых браков составляла от 68,9 до 75% [16, д. 40, л. 17, д. 46, л. 15, д. 52, л. 5-9]. Повторных браков среди горожан встречается меньше, хотя в целом их доля среди остальных браков составляла от 25 до 31%. Причем в первое десятилетие XX в. наблюдается тенденция к увеличению числа повторных браков. Они имели большую распространенность у мужчин, чем у женщин. В 1870 г. большинство вступивших во второй брак составили мужчины-вдовцы (69,3%). В 1911 г. их число увеличилось до 77,2%. К началу XX в. увеличилось количество браков между разведенными мужчинами и женщинами (2,3%). При этом доля разведенных женщин, вступающих в брак вторично, была довольно высокой – 82,9%. Ввиду того, что девушки достаточно рано выходили замуж, и разница в возрасте часто была весомой, нередко были случаи, когда в возрасте 20-26 лет женщины оставались вдовами [19, д. 46, л. 11-13]. Третьих и четвертых браков за 1870 г. отмечено не было. В 1911 г. в Уфе имел место случай, когда мужчина, уже женатый на трех женах, взял в жены четвертую [16, д. 52, л. 21]. Подобное явление многоженства было характерно лишь для мусульманских семей. В законодательстве для лиц православного вероисповедания говорится о запрете вступать в четвертый брак [11, с. 19].

Анализ данных о годовом распределении браков по месяцам позволяет сделать вывод о том, что в городах Уфимской губернии, как и в целом по Европейской России, наибольшее число браков совершалось в зимнее время года. Их пик приходился на январь-февраль. В весеннее и летнее время количество браков заметно снижалось, а затем возрастало осенью – в октябре-ноябре. Выделяя особенности каждого города, можно отметить, что в Мензелинске, Бирске и Златоусте более половины браков были заключены в зимние месяцы (от 53,3% до 71,3%), за исключением декабря. В этот месяц в рассматриваемых городах браки не заключались. И в среднем лишь пятая часть браков в этих городах (20,3%) приходилась на осень. В Стерлитамаке, Белебее и Уфе наблюдается равномерное распределение браков: около трети браков (34,6%) заключено зимой и почти столько же (33,9%) – осенью [16, д. 40, л. 7].

Сезонность браков в городах зависела от вероисповедания горожан. Так, у православных максимум браков приходится на январь, а минимум – на март и декабрь. Следующий максимум отмечается в октябре-ноябре. У магометан главный максимум также падает на январь, но он намного ниже, большинство браков приходится на март-июль [10, с. 11]. В целом, православные вступали в брак в основном осенью и зимой, а у мусульман значительное число браков совершалось весной и осенью. На время заключения браков у православных очень большое влияние оказывал такой фактор как церковные установления. Согласно им, горожане старались не справлять свадьбы во время постов и на масленичной неделе. Самым же благоприятным временем, которое можно считать свадебным сезоном горожан, являлись осенние и зимние мясоеды. Именно на этот период приходится самый высокий процент браков в городах.

Во второй половине XIX в. фактически все совершаемые браки заключались между представителями одного и того же сословия. Смешанных браков наблюдалось мало. Так, в 1870 г. из общего числа браков, зарегистрированных в Свято-Троицком соборе города Бирска, 83,3% относились к внутрисословным и только 16,7% - к смешанным [17, д. 103, л. 17-18]. В начале столетия число смешанных браков по Бирску несколько увеличилось, составив 21,3% в 1900 г. и около 60% - в 1912 г. [18, д. 213, л. 4; 19, д. 46, л. 15]. Материалы брачных обысков свидетельствуют, что среди смешанных браков в основном встречаются браки между мещанами и крестьянами. Реже можно было встретить браки между дворянами и купцами. Браки между представителями дворянства и крестьянства фактически не встречаются. В качестве примера столь редких исключений из правил можно привести следующий: в 1905 г. об обоюдном согласии на заключение брака заявили уфимский дворянин Осип Пермевский и крестьянская девица Анна Бурова [17, д. 47, л. 2]. Несмотря на начавшийся процесс постепенного стирания сословных перегородок, различия в семейно-бытовых традициях горожан еще сохранялись. Если сословно-смешанные браки и заключались, то, чаще всего, между сословиями, заинтересованными друг в друге с экономической и культурной точек зрения [6, с. 22].

В исследовании городской семьи немалый интерес представляют имена, которые употреблялись в рассматриваемый период времени. Сведения об антропонимике горожан можно получить по данным метрических книг, составляемых в приходах церквей. Приведенные в статье обработанные материалы метрических книг церквей города Уфы и Казанско-Богородицкого собора Стерлитамака показывают, что наиболее часто

употребляемыми женскими именами в середине XIX в. были Пелагея, Марья (Мария), Александра и Наталья, а мужскими – Александр, Петр, Иван, Николай, Павел [19, д. 13, л. 2-65; 21, д. 98, л. 2-77]. В 1912 г. наряду с распространенными ранее женскими именами появляются новые, часто употребляемые имена: Антонина, Валентина, Тамара, Вера, Лидия, Галина, Нина, Надежда. Среди мужских можно назвать новые имена Константин и Борис. За период с 1865 г. по 1912-1913-е гг. произошла заметная трансформация имен, многие традиционные, простонародные имена стали уступать место новым, «городским». Перестали употребляться имена Анисья, Аграфена, Матрена, Прасковья, Степан, Семен, Илья, Яков. Что касается социальной принадлежности имен, то среди представителей мещанства во второй половине XIX в. бытовали имена, тесно связанные с крестьянской средой: Евдокия, Марфа, Пелагея, Аграфена, Василий, Иван. К 1913 г. распространение получают имена Тамара, Вера, Нина, Валентина. В семьях дворян и чиновников были распространены имена Ксения, София, Валерия, Михаил, Вадим, Виктор. Купцы давали своим дочерям имена Екатерина, Пелагея, Ольга. К началу XX в. происходит постепенное стирание социальных расслоений в сфере выбора имен, что символизировало общий процесс стирания сословных перегородок.

В городской семье на рубеже XIX-XX вв. продолжали сохраняться патриархальные традиции повиновения жен мужьям, а детей – родителям. Доминирующее положение мужчины в семье нашло отражение и в законодательстве того времени, где говорится, что «жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании» [11, с. 45]. Стойкость патриархальных традиций была обусловлена как социально-экономическими, так и правовыми факторами. Зависимость жены от мужа выражалась в том, что она могла получить паспорт только с разрешения мужа, должна была повсюду следовать за своим мужем. Однако, что касается правового, в особенности имущественного положения женщин, то оно было достаточно прочным [9, с. 59]. Так, в браке за женой сохранялось право владения ее личным имуществом.

В мусульманских городских семьях Уфимской губернии женщины также занимали подчиненное положение, но обладали полной экономической самостоятельностью. Правом подать прошение на развод обладали и муж, и жена. Но если женщина имела право на развод лишь в случае определенных причин: жестокого обращения с женой или когда муж не содержал свою семью, то для мужчины не требовалось какого-либо повода со стороны жены для того, чтобы развестись с ней. В мусульманском праве подобный вид развода именовался «талак». В фондах Оренбургского магометанского духовного собрания встречается немало дел, связанных с жалобами супругов по отношению друг к другу. Так, в 1904 г. белебеевская мещанка Хадича Ахметшина обратилась с ходатайством о производстве разбирательства «по делу с мужем ее Хусайном Хасановым, вследствие жестокого обращения, недоставления средств к жизни и произнесению слова “талак”» [22, д. 754, л. 15]. Иногда с прошением вернуть в семью самовольно ушедших жен обращались к духовному суду мужья. Так, в Уфе жена башкира Галяутдина Сахабутдинова ушла, оставив на него троих малолетних детей, не дававших ему возможности отлучаться на заработки. Вследствие этого он просил «сделать жене внушение и обязать ее жить вместе со мной, или принять на себя воспитание детей» [Там же, л. 32].

Главной обязанностью жены считалось умелое ведение домашнего хозяйства. Сфера домашнего женского труда являлась преобладающей во второй половине XIX в. Повседневное бытовое пространство более состоятельных горожанок было расширено за счет их активного участия в благотворительности. Дворянки, жены купцов являлись членами различных благотворительных общественных организаций. Например, уфимская княгиня Екатерина Кугушева возглавляла попечительный совет Уфимского дворянского Новиковского пансиона девиц, куда входили вдова статского советника М. И. Листовская, дворянки О. В. Воскресенская и О. А. Ралль [1, с. 20].

В начале XX в. в городах региона наблюдается рост самостоятельности женщин. Это выразилось в том, что горожанки стали проявлять свою активность в различных сферах жизни общества. Современники отмечали возрастание спроса общества на «специально-образованную женщину» [4, с. 829]. По данным Адрес-календаря на 1901 г., в городах Уфимской губернии насчитывалось 125 женщин, занимавших служебные должности. Среди них наибольший процент представляли горожанки, занятые в сфере преподавания (67,2%). Большинство из них были представлены выходцами из семей чиновников и военных. Например, 71,4% преподававших в Уфимской Мариинской женской гимназии составляли дочери и жены чиновников и военных [1, с. 20-24]. Многие девушки из семей мелких чиновников и военных становились преподавательницами «ввиду недостаточности средств», как например, объясняет это в своем прошении об испытании на звание домашней учительницы дочь поручика Лидия Воецкая [13, д. 10, л. 3]. К 1913 г. число женщин, занятых в образовательной сфере, выросло в 2,2 раза. Большая их часть приходилась на Уфу (53,5%), где было больше учебных заведений.

В начале XX в. растет число женщин в составе медицинского персонала. В составе высшего медицинского персонала в 1901 г. значилась только одна женщина-врач в Уфе. В 1912 г. их число увеличилось до 5 (6,1% от общего числа врачей по городам региона) [8]. Все акушерки в городах представлены женщинами, из 76 фельдшеров 35 приходилось на женщин (46,1%) [Там же, с. 28]. Растет число женщин-зубных врачей. Так, в 1913 г. их насчитывалось 20 [2, с. 138-140]. По национальной принадлежности это были в основном еврейки.

О женщинах, занятых в торгово-промышленной сфере, позволяют говорить данные инвентарно-окладных книг. Ввиду отсутствия возможности систематизировать эти данные комплексно, ограничимся рассмотрением необходимых сведений на примере отдельно взятых городов. Так, в Стерлитамаке в начале XX в. насчитывалось 15 представительниц средних слоев города, занятых в рассматриваемой сфере (10,3% от общего числа мещан, имеющих торгово-промышленные заведения) [15, д. 2343, л. 2-8]. В основном женщины держали лавки, постоянные двory, торговые бани. Значительно меньше было женщин-владельци

промышленных предприятий. Хотя подобные примеры также встречались. Так, в Мензелинске мещанка Варвара Владимировна владела кирпичным заводом [Там же, д. 1760, л. 2].

В коммерческих учреждениях процент женщин-служащих был очень низким (2,4%). К 1913 г. в этой сфере было занято уже 3,9% горожанок. В основном это конторщицы ломбарда, а также страховые агенты. Женщин других профессий было сравнительно мало. К примеру, это массажистки, делопроизводители, счетоводы. Увеличение спроса горожан на книги и создание общественных библиотек открыло возможность применения новой сферы женского труда – библиотечарей. В Уфе, к примеру, в первом десятилетии XX в. насчитывалось 6 библиотечарей [2, с. 58].

Представленные данные свидетельствуют о том, что в основном женщины были сосредоточены в сфере преподавания и здравоохранения. При этом женщин, занимавших руководящие посты, встречалось очень мало. К ним относились начальницы гимназий и прогимназий, заведующие училищами. В отношении женщин в обществе сохранялись ограничения, препятствующие в устройстве на работу, а тем более – в возможности карьерного роста. Так, А. И. Веретенникова, работавшая врачом в Белебеевском уезде, столкнулась с такими препятствиями, когда ей было отказано в защите диссертации [3, с. 7].

Воспитание детей в дореволюционной семье продолжало сохранять традиционный характер. Согласно семейному законодательству, родители, прежде всего, должны были проявлять заботу о нравственном воспитании своих детей. Дети же «должны оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь» [11, с. 173]. В процессе воспитания, равно как и в семейной жизни в целом, необходимо было следовать сложившемуся религиозному укладу. Обязательным для детей было совместное с родителями посещение церкви. М. В. Нестеров вспоминал: «Старшие уехали ко всеобщей ко Спасу или в собор, а я, сидя на своем коне, несусь куда-то» [7, с. 29].

Во многом воспитание детей зависело от того, к какой социальной группе относились родители, а также определялось «их жизненным опытом, пониманием целей воспитания» [5, с. 295]. В семьях зажиточных родителей нередко дети воспитывались более свободными, зачастую избалованными. В таких семьях воспитанием и присмотром за детьми занимались няни. Так, в характеристике Николая Ландсберга, ученика Уфимской мужской гимназии, встречаем такое описание: «он пренебрежительно и свысока смотрел на товарищей... как сын состоятельных родителей, он был избалован и позволял себе пропускать уроки» [14, д. 141, л. 7]. В семьях рабочих и городских крестьян очень рано начиналась трудовая жизнь детей.

В системе ценностей городской семьи все большее значение приобретает необходимость школьного образования. Оно начинает рассматриваться как важнейший фактор повышения социального статуса. В связи с этим, родители старались дать детям, в особенности мальчикам, надлежащее образование. Мальчиков отдавали на обучение в училища и гимназии, ремесленные школы. Для обучения девочек в каждом городе Уфимской губернии имелись женские гимназии и прогимназии. Первые такие гимназии появились в Бирске и в Уфе. Обучение в гимназиях было платным, поэтому гимназическое образование могли себе позволить только более состоятельные родители.

В рассматриваемый период в развитии городской семьи происходят изменения, нашедшие отражение в постепенном отходе от традиционных патриархальных отношений. С развитием капиталистических отношений, расширением сферы обслуживания, развитием сети образовательных учреждений наблюдалось сокращение хозяйственных и образовательных функций городской семьи. Активизация роли женщин в общественно-трудовой деятельности способствовала гуманизации внутрисемейных отношений.

Список литературы

1. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа: Эл. губ. тип., 1902.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Уфа: Эл. губ. тип., 1913.
3. Веретенникова А. И. Записки земского врача. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1984. 136 с.
4. Глинский Б. Женщины-врачи на общественной службе // Исторический вестник. 1895. Т. 50. С. 827-859.
5. Гончаров Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004. 132 с.
6. Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: по материалам городов средней полосы РСФСР. М.: Наука, 1980. 150 с.
7. Нестеров М. В. Давние дни. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1986. 560 с.
8. Обзор Уфимской губернии за 1912 г. Уфа: Эл. губ. тип., 1913. 116 с.
9. Пушкарева Н. Л. «Дерзкие и беспокойные»: «женская история» России 1801-1905 гг.: формы социальной активности // Отечественная история. 2002. № 6. С. 52-66.
10. Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии: очерк движения населения Уфимской губернии в 1897-1911 гг. санитарного врача Э. И. Гиккеля. Уфа: Печать, 1916. 98 с.
11. Свод законов Российской империи. СПб., 1900. Т. X. Свод законов гражданских. 250 с.
12. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-11. Оп. 1.
13. ЦГИА РБ. Ф. И-113. Оп. 1.
14. ЦГИА РБ. Ф. И-119. Оп. 1.
15. ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1.
16. ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1.
17. ЦГИА РБ. Ф. И-290. Оп. 1.
18. ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1.
19. ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2.
20. ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 4.
21. ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 6.
22. ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 11.

FAMILY STRUCTURE OF UFA PROVINCE TOWNSPEOPLE IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Gul'naz Rimovna Ramazanova

Department of Native History and History Teaching Methods
Sterlitamak State Pedagogical Academy named after Z. Büisheva
gul8244@yandex.ru

The author studies the general tendencies in family structure development of Ufa province urban population in the second half of the XIXth – at the beginning of the XXth century, basing on archival material describes the basic features of marital and family relations, and analyzes urban families' life cycle, as well as a woman's status change in society.

Key words and phrases: Ufa province; urban family; family structure; family-marital relations.

УДК 02.41.21

В статье анализируются основания распределения материальных и духовных благ между субъектами совокупного работника как колоссального элемента интернациональной социальной структуры, являющейся следствием функционирования транснациональных корпораций. Делается вывод о том, что национальное пространство определяет неравенство положения представителей совокупного работника.

Ключевые слова и фразы: социальное неравенство; совокупный работник; транснациональные отношения; бедность.

Денис Леонидович Рыжков, к. филос. н.

Кафедра философии и культурологии

Московский государственный горный университет

ryzhkovdl@mail.ru

СОВОКУПНЫЙ РАБОТНИК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]

Изменения форм производственных отношений, форм труда и их соотношения в технологическом процессе, а также информатизация всех сфер жизни заметно преобразили жизненный облик многих стран с развитой экономикой. Это стало поводом говорить о стирании социальных границ и исчезновении общественных противоречий. В связи с этим встает вопрос о том, стали ли перечисленные явления обратной тенденцией социального расслоения в сфере распределения продуктов общественного производства.

Для того чтобы это выяснить, необходимо проанализировать объединяющий экономический фактор взаимодействия различных культур, хозяйствующих регионов и стран, так как именно хозяйственная интеграция является основой современной глобализации. Таковым фактором выступает движение капитала в самых разных его формах. Двигается же он во многом внутри транснациональных производственно-корпоративных образований, экономическими формами которых выступают транснациональные корпорации (ТНК). Действительно, на долю ТНК приходится, по разным оценкам, от 2/3 до 3/4 мирового экспорта, а в этих товарных потоках свыше 1/3 приходится на внутрифирменный экспорт. Учитывая, что торговля между подразделениями ТНК происходит не по рыночным, а по так называемым трансфертным ценам, определяемым внутренней политикой корпорации, свыше 1/3 мировой торговли функционирует не по законам свободного рынка, находясь под полным контролем ТНК [2, с. 44]. Это дает основания с уверенностью говорить о системе мироустройства, при которой ТНК контролируют до половины мирового промышленного производства, 63% внешней торговли, а также примерно 4/5 патентов и лицензий на новую технику и «ноу-хау» [5, с. 56].

Национальные государства больше не могут рассматриваться как **законченные системы** социально-экономических связей, а предстают **только как части такой системы**. Отношения, имеющиеся в любой части единой системы, подчинены закономерностям, свойственным самой системе. Природа противоречий таких отношений и их тенденции могут быть понятны только в рамках этой общей системы, а значит в целостном глобальном социально-экономическом пространстве. Как было указано, наднациональные производственные отношения развиваются в основном внутри транснациональных корпораций. Учитывая, что в основе развития лежат конкретные и четкие тенденции в движении капитала, носящие закономерный характер, можно сказать, что причина этих систем внутри их самих. Значит ТНК, как форма реализации международных производственных отношений, подчинена движущим силам капитала. Анализируя роль тенденций и свойств ТНК в системе социальных связей, мы изучаем направленность социально-структурных изменений.

Движение капитала внутри ТНК определяет общественное распределение производимых человечеством материальных и духовных благ. Коллективный субъект такого производства разнороден, рассеян по всей